

Российско-китайская весна

Сближаясь с Китаем, мы могли бы решить многие проблемы, в их числе — привлечение инвестиций, изменение структуры экспорта и развитие Дальнего Востока, — считает Геннадий Чуфрин, член дирекции ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН.

Геннадий ЧУФРИН,
член дирекции
ИМЭМО РАН,
член-корреспондент
РАН

— Геннадий Илларионович, как вы оцениваете нынешний этап российско-китайских отношений? Как они изменились?

— Я глубоко убежден, что обе стороны по разным причинам подошли к знаковому рубежу в своих отношениях. На фоне экономических и финансовых потрясений в Европе и США Китай выступает как стабильная страна, хотя своих проблем там тоже хватает. Тем не менее темпы экономического роста Китая высокие; торговый и платежный балансы находятся в завидном состоянии.

Это положение способствует определенному росту националистических настроений в Китае, к усилению позиции тех, кто считает, что Китай должен вслед за достижением успехов в экономике проявить себя более активно и на политической сцене. Это не значит, что Китай собирается занять некую агрессивную или чрезмерно активную позицию, но у меня лично нет сомнений, что такие настроения существуют и развиваются.

В то же время США испытывают явный синдром перенапряжения сил — экономических, политических, военных. Они стремятся, сохраняя лицо, более или менее успешно завершить некоторые военные кампании, в частности в Афганистане. Штаты предпринимают шаги для создания такой модели взаимоотношений с остальным миром, которая позволила бы им, с одной стороны, сократить чрезмерные расходы, исчисляемые триллионами долларов, а с другой — сохранить мировое лидерство.

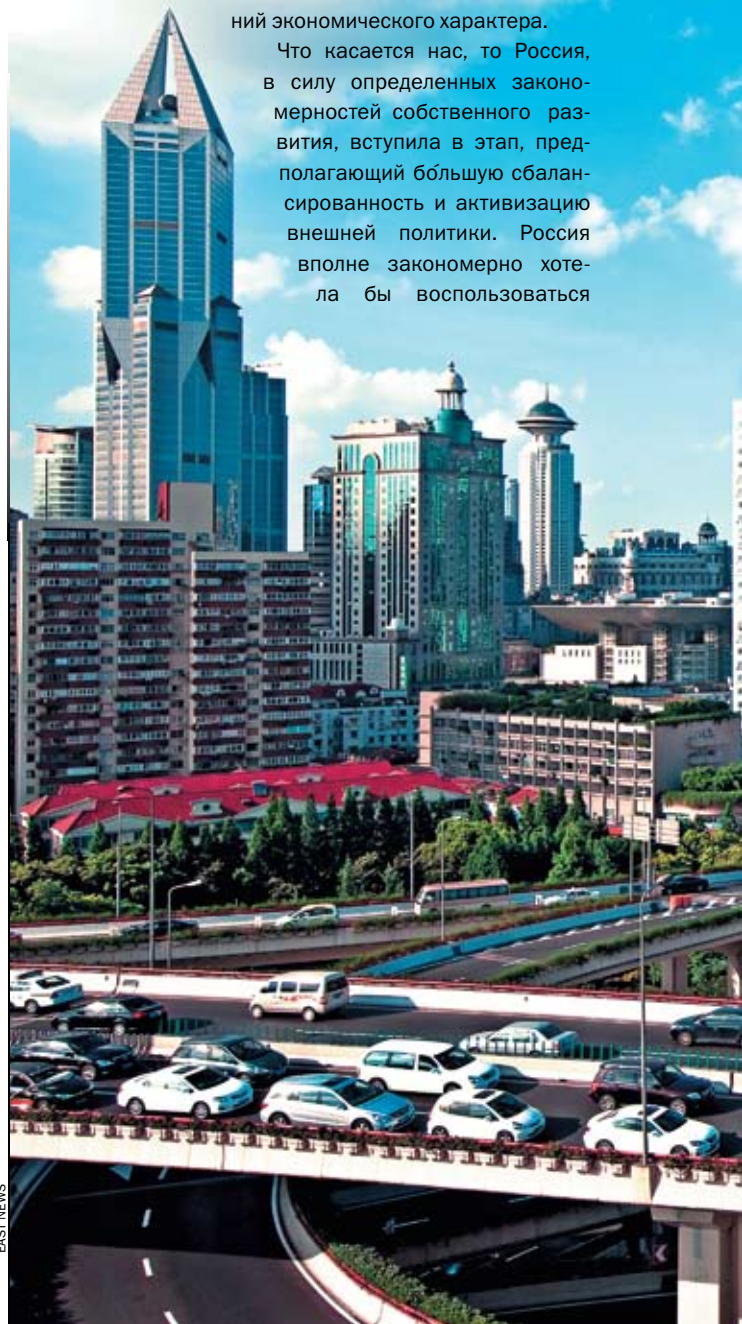
В отношениях с Китаем США, в частности, пытались заинтересовать его знаменитой формулой G2 («Большая двойка» — стратегический союз США и Китая. — Ред.), созданием некоего кондоминиума. Но Китай продолжил линию по укреплению своих позиций в мире, в первую

очередь в Азиатско-Тихоокеанском регионе. И тогда США взяли курс, ставший известным как «поворот к Азии», который включает в том числе значительную передислокацию военно-морских сил в Тихоокеанский регион и совершенно недвусмысленную антикитайскую поддержку стран, имеющих разногласия с Китаем в районе Южно-Китайского моря. По существу отношения между США и Китаем складываются напряженно.

— А к чему эта напряженность может привести?

— Я далек от того, чтобы предрекать какие-либо серьезные конфликты, но ясно, что Китай и США сейчас находятся в напряженных отношениях, в частности — по такому чрезвычайно важному для Китая вопросу, как свободный доступ к сырьевым и энергосырьевым ресурсам африканских стран, азиатских и т.д. Политика США и на Ближнем Востоке, и на африканском континенте вызывает у Китая недовольство. По этой причине Китай явно заинтересован в стабильных, предсказуемых и добрососедских отношениях с Россией и в политическом, и в экономическом плане. Это доказывает и первый официальный визит Си Цзиньпина в качестве главы государства в Москву в марте 2013 года, и целый ряд подписанных в ходе этого визита соглашений экономического характера.

Что касается нас, то Россия, в силу определенных закономерностей собственного развития, вступила в этап, предполагающий большую сбалансированность и активизацию внешней политики. Россия вполне закономерно хотела бы воспользоваться

EAST NEWS

Россия и Китай переживают этап взаимных интересов.

преимуществами своего географического положения и активизировать восточное направление и в политической, и в экономической сферах. С моей точки зрения, такая активизация даже запаздывает. Создано Министерство по развитию Дальнего Востока, звучат намерения выделить большие суммы на развитие этого региона, изменить в этой связи структуру налогообложения. Естественной и даже приоритетной составляющей такой политики становится развитие отношений с Китаем. Но для нас важно перейти от невыгодной для нас модели фактически сырьевого прироста китайской экономики к взаимодействию инновационного характера.

Цель, к которой должна стремиться Россия, — существенно повысить

долю китайских инвестиций в обрабатывающую промышленность, в современные отрасли производства, в транспортную инфраструктуру. Сейчас больше 60% инвестиций со стороны Китая направляются в сырьевые отрасли и лишь 15% в обрабатывающую промышленность, транспорт и т.д. Тем не менее Китай, по крайней мере на словах, выступает за соответствующую скоординированность экономического взаимодействия.

— О необходимости изменить структуру нашего экспорта говорят много лет. Некоторые вполне уважаемые специалисты уже махнули рукой: мол, пусть Китай растет, а мы все больше будем поставлять ему нефти и газа. Что нужно предпринять для слома этой тенденции?

— Мы не можем предъявить сколько-нибудь обоснованные претензии к Китаю, сказав, что он препятствует импорту российского промышленного оборудования или технологий. Просто мы проигрываем конкурентную борьбу. Более или менее мы задействованы в сфере атомной энергетики, участвуя в строительстве Тяньваньской АЭС. В ходе визита Си Цзиньпина активно обсуждался вопрос относительно активизации сотрудничества в авиационной области. В традиционно же сильной у нас космической сфере нам еще нужно убедить Китай в нашей способности предложить нечто новое, поскольку он и сам занимает здесь отнюдь не второстепенные позиции.

С моей точки зрения, если уж мы говорим о сотрудничестве, кооперации и взаимной заинтересованности, то важным и пока еще серьезно не использованным резервом, в том числе в изменении структуры наших торгово-экономических отношений, является создание совместных промышленных зон.

Эти зоны могут быть организованы на территории России, где китайские инвестиции направлялись бы на создание на базе нашего сырья промышленных производств, с последующим вывозом готовой продукции, в том числе в Китай.

VOSTOCK-PHOTO/REUTERS

Китайская столица и точные районы Китая постоянно страдают от выбросов топливных электростанций. На фото: смог в Пекине в январе этого года.

Такой проект стал бы стимулом для нашей инвестиционной и промышленной активности. Эта идея не нова и обсуждается достаточно длительное время. И Китай не отказывается от осуществления таких инвестиций и создания этих зон. Но если обратиться к реальности, то ничего существенного так и не создано. Пока наш товарооборот представляет собой малоприятную картину: сырье от нас, готовая продукция от них. Я, тем не менее, рассчитываю, что именно наши внутренние стимулы — стремление развить экономику на Дальнем Востоке — потребуют привлечения зарубежных инвестиций, и Китай является одним из естественных инвесторов.

— Что существенное должно произойти, чтобы эти разговоры стали реальностью?

— Необходимы три–четыре двусторонних мегапроекта, по поводу которых были бы заключены соответствующие соглашения, требующие конкретных инвестиций с китайской стороны. Уже сейчас есть признаки отказа Китая от модели получения необработанных природных ресурсов с нашей стороны. Они хотели бы получать эти ресурсы в виде полуфабрикатов или готовой продукции. Судя по соглашениям, подписанным в ходе визита в Москву Си Цзиньпина, Китай должен стать крупнейшим рынком для российской нефти. Если реализуются соглашения по газу, то Китай превратится в серьезного партнера России и в этой сфере. И если бы нам удалось договориться о переработке природных сырьевых и энергетических ресурсов в некоем контролируемом заданном коридоре, то это привлекло бы инвестиции и изменило бы характер продукта, который производился бы у нас с китайской помощью.

Одна из серьезных российских проблем — инфраструктурные объекты, и для нас чрезвычайно ценны китайские инвестиции и технологии. Строительство в приграничных районах с китайским участием инфраструктурных объектов, в том числе аэропортов, железных и шоссейных дорог, помогло бы нам в обустройстве Дальнего Востока.

Мы много говорим о том, что могли бы предложить бизнесу, в том числе зарубежному, транспортный коридор между побережьем Тихого океана и Европой. Но если обратиться к реальным цифрам, то менее 2% грузов, направляемых из Азиатско-Тихоокеанского региона в Европу, проходят по нашей территории. Одна из мегазадач,

которые мы должны решить, — увеличить, в том числе с помощью Китая, процент грузов, идущих транзитом через нашу территорию. И еще одна важная для нас задача — решение проблемы огромного дефицита трудовых ресурсов на Дальнем Востоке. Этот дефицит усиливается, и надо не на словах, а на деле всерьез обратиться к возможности строительства промышленных и сельскохозяйственных объектов, с привлечением китайской рабочей силы на конкретных условиях. Для Китая, испытывающего огромные проблемы с занятостью населения, это представляло бы интерес.

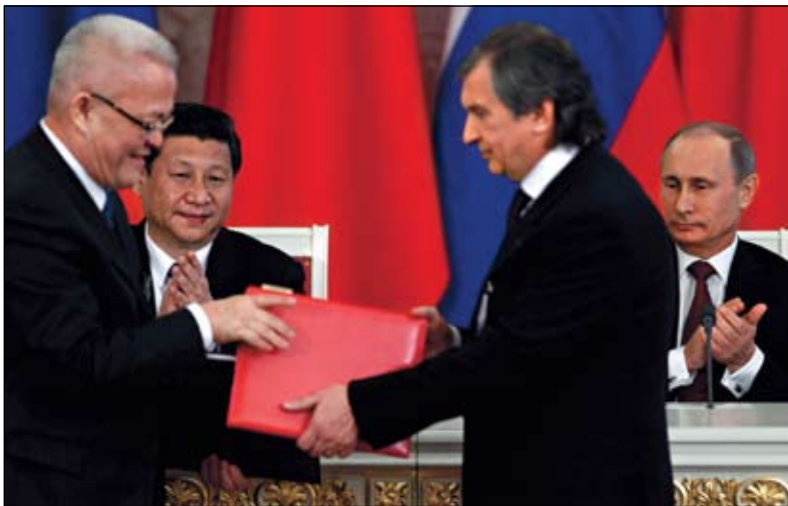
— Сразу возникает вопрос: не останутся ли они у нас навсегда, увеличиваясь в геометрической прогрессии?

— Существуют формы и методы привлечения иностранных рабочих, инженеров и техников на определенное время на контрактных условиях. Собственных трудовых ресурсов в дальневосточных районах у нас нет и в обозримом будущем не предвидится. Трудно представить, что по призыву туда отправятся люди из европейской части. Столь же иллюзорно ожидать, что по программе привлечения в Россию наших соотечественников из-за рубежа они, вместо того чтобы осесть в центральных областях европейской части России, поедут на Дальний Восток. Ставить такую задачу и создавать стимулы надо, но реализовать ее тяжело. Хабаровск, Владивосток — вполне приличные места для жилья, но рабочей силы не хватает, вокруг — глухая тайга, из которой, почти по Некрасову, раздается лишь стук топора. Поэтому надо пытаться с помощью китайской рабочей силы, в том числе квалифицированной, добиться прорыва в освоении этих районов. Это сложно, рискованно, но думать на эту тему нужно — и думать быстрее. Когда плывешь по Амуру, видишь очень грустную картину: сплошняком идут различного рода баржи, которые везут в Китай лес, бревна и т.д. Происходит активное потребление наших природных ресурсов, и эту ситуацию надо менять, а мы все время себя пугаем, мол, китайские рабочие, инженеры, техники тут останутся, завоюют нас и пр. Я думаю, здесь много мифотворчества.

— А почему наших инженеров и техников не устраивает отсутствие инфраструктуры, а китайских устраивает? Кто для них будет создавать условия для жизни — сами китайцы?

— Об осуществлении конкретных проектов можно договариваться на уровне межгосударственном, а также частных компаний. Перед Китаем, повторюсь, стоит большая проблема избыточности трудовых ресурсов, и поэтому китайцы не то что будут счастливы от перспективы работать в тяжелых условиях, но поедут и будут работать. Для них это хотя бы частичное решение проблемы занятости. А для нас, хотя это звучит очень непопулярно, — возможность осуществить прорыв в освоении Сибири и Дальнего Востока. Мы опасаемся пустить китайцев в наш дальневосточный «огород». Но это опасно в случае нерегулируемой политики, без соответствующих правовых условий, ограничений. Если же привлечение китайцев определить соответствующими условиями и обеспечить их выполнение, то я сторонник того, чтобы к этому обратиться.

Все постсоветское время мы говорим о необходимости решения демографической проблемы Дальнего Востока, но если обратиться к конкретным цифрам, то население там неуклонно сокращается. Мы рассчитываем, что если

VOSTOCK-PHOTO/REUTERS

Для прорыва в инвестсотрудничестве нужны три–четыре двусторонних мегaproекта. На фото: подписание соглашения компаниями «Роснефть» и CNPC о поставках российской нефти. Март 2013 года.

С помощью регулируемого привлечения китайской рабочей силы можно осуществить прорыв в освоении Дальнего Востока и Сибири.

наши земли будут пустовать, то весь мир будет на нас смотреть? Нет, конечно. Наши президент и премьер-министр предлагают налоговые схемы в целях повышения интереса бизнеса к Дальнему Востоку, но для того, чтобы этот бизнес не просто проявлял заинтересованность, но и действительно работал, нужны три условия: правовые, финансовые и обеспеченность трудовыми ресурсами.

— А что будет происходить в Центральной Азии в связи с тем, что Китай и дальше будет расти и крепнуть, а здесь его влияние и так очень сильно?

— Здесь мы, по крайней мере, что-то делаем. Евразийский экономический союз — реальная попытка ответа, в том числе и на политику Китая в этом регионе. Это не антикитайский проект, это проект, который должен обеспечить наши интересы и интересы наших союзников по сохранению экономического суверенитета над этими территориями. Возможно ли сотрудничество Евразийского союза с Китаем? Конечно.

На Дальнем Востоке подобного реального проекта с нашей стороны нет, в то время как это не только явно необходимо, но и вполне возможно. У Китая, например, есть программа модернизации регионов, которые осваивали с нашей помощью в 50-х годах прошлого века. Китайцы были бы не против нашего участия в модернизации этих промышленных и энергетических объектов. У нас же опять начались рассуждения вместо реальной формы межгосударственной кооперации. Причем китайцы готовы были привлечь наших рабочих, инженеров, техников, ученых. Они и сейчас готовы к сотрудничеству с нами в модернизации экономической структуры северо-восточных провинций Китая. Это еще один пример того, что мы сегодня переживаем этап, возможно не очень продолжительный, взаимных или параллельных интересов. Я отвожу на это, что называется, window of opportunity (англ. — «благоприятная возможность». — Ред.), около 10 лет. Потом «окошко» закроется. Китай выполнит программу модернизации и перестройки промышленности, потеряет стимулирующий интерес к сотрудничеству с нами в тех формах, которые и нам были бы выгодны и были под силу. Вполне возможно, произойдет переориентация Китая на другие цели и приоритеты. И неизвестно, как Китай будет рассматривать Россию через 10 лет, если мы так ничего и не предпримем.

РИА «НОВОСТИ»

Словом, эти отношения могут измениться и перестать быть столь благоприятными, какими они являются сейчас. Этой ситуацией надо пользоваться именно сегодня, в противном случае мы упустим еще один исторический шанс, что может очень печально для нас закончиться. Разговоры о том, что Россия неправомерно контролирует невероятную долю мировых природных ресурсов, идут постоянно. Заявления, которые приписываются той же Мадлен Олбрайт относительно того, что Россия не имеет на эти ресурсы исключительного национального права, пока носят характер единичный, но в дальнейшем они могут превратиться в активную кампанию против нашей страны.

Посмотрите, что происходит в Арктике. Длительное время мы считали, что Северный морской путь вдоль арктического европейского и азиатского побережья исключительно наша зона. Но уже сейчас это не так. В мире развернулась активнейшая кампания по пересмотру условий ведения хозяйственной деятельности в арктическом регионе, причем к этой кампании присоединяются страны, о которых и в страшном сне невозможно подумать, что они имеют отношение к Арктике, например Сингапур. Очень большой практический интерес к арктическому региону проявляет и Китай. А что мы реально можем противопоставить этому напору? Лишь благостные заявления. В результате у нас оттяпывают кусок за куском. Сначала кусок Арктики отдал американцам наш большой друг Шеварднадзе, будучи министром иностранных дел СССР. Недавно часть акватории Баренцева моря отошла норвежцам. Нечто подобное может произойти и на континенте.

— Соберутся и постановят?

— Конечно. Кто сейчас вспоминает, кроме историков, о том, что Аляска и Калифорния контролировались Российской торговой компанией и были частью Российской империи? Калифорния и Аляска уже никогда не будут частью России, ни при каких условиях. И мы хотим, чтобы нечто подобное произошло с Сибирью, особенно с ее южными районами, прилегающими к тому же Китаю? Поэтому нам нужно перестать рассуждать и начать делать. Если мы не будем развивать эти регионы и не добьемся реального прогресса в течение ближайшего десятилетия, то последствия могут быть катастрофическими. ●